

Доклад 8. Восток, Запад, Россия: выбор пути

Каринэ Александровна Геворгян

Российский политолог, востоковед, лингвист, переводчик.
Автор ряда статей и публикаций, участница телепроектов по проблемам войны в Сирии, обстановке в Закавказье и других регионах восточного направления.

Я сразу хочу оговориться, что ни одно из этих понятий не обладает онтологической стабильностью. Это то, чем бы я хотела предварить свое выступление. Как я понимаю, и Собор был создан для того, чтобы обсуждать вопросы, связанные с русской идеей, русскостью как таковой. Это тема самых разных выступлений. Мы знаем, что вопрос этот стал актуальным сразу после развала Советского Союза, и надо сказать, что эта тема не нова в том смысле, что и на Западе много обсуждалась тема кризиса идентичности. Понятно, что, уйдя от советской идентичности, гражданской, от специфики этнической идентичности в рамках Советского Союза, пришлось ко многим вопросам, связанным с идентичностью, обратиться заново и более критично. И с синтезом политической информации, с тем, чтобы прогнозировать те или иные тенденции и события, мне помогают те или иные сложившиеся установки, которые можно оспаривать. Я хотела бы ими поделиться.

Дело в том, что существуют разные теории, объясняющие так или иначе человеческое развитие, определенные субъекты исторического развития. Почему они несводимы, при том что каждая из них содержит свою рациональность? И в какой-то момент для себя я поняла, что одни теории рассматривают человека как некую скалярную величину, идентичность этническая или религиозная рассматривается как некая скалярная величина, то есть постоянная. А другие теории, наподобие марксизма, рассматривают человека как векторную величину. А мы на самом деле, как в физике квантово-волновая теория света, – и то и другое. Что с нами делать? Ничего не попишешь.

И тогда я задалась вопросом – что заставляет человека делать историю? И поняла, что, скорее всего, мотивация... в центре сознания. Я задалась вопросом, какие бывают мотивации. Я бы сказала, что если создать

систему координат из оси ординат и абсцисс, то я бы разместила наверху витальные мотивации, то есть «хочу жить, несмотря ни на что», «буду бороться за жизнь». И моральные мотивации внизу. А на горизонтали – материальные и нематериальные мотивации. В зависимости от условий, человек акцентируется в том или ином из этих четырех полей. Далеко не все можно объяснить эконоцентризмом, необходимостью владения ресурсами, особенно если речь идет о боевых столкновениях и войнах и т. д. Для меня это было важно, и мне это многое объясняет, потому что на сегодняшний день мне это позволяет строить те или иные прогнозы с определенной степенью достоверности.

Другая моя установка с оговорками: я поддерживаю теорию Данилевского – Шпенглера – Тойнби о локальных цивилизациях, и если переходить к вопросу о России, то Россия представляет собой некую цельность, причем многогранную, которая не исчерпывается культурным многообразием или только культурной спецификой. У этой культурной цельности есть самопроизводящаяся матрица, мемы, которые срабатывают на бессознательном уровне. В течение всемирной истории, 2,5 тысяч лет, периоды доминирования на больших пространствах не длились более 500 лет. Запад доминирует с длинного XVI века, и социальная энергия исчерпана. Об этом писал Шпенглер в «Закате Европы». То же самое было с Римской империей, с Иранской. Что касается истории России, то ее можно углублять на более чем 1000 лет. Показатели этого – новгородские раскопки и берестяные грамоты. Все археологи знают, что на уровне VIII века ничего, кроме угро-финских артефактов, не находят, а IX век уже кишмя кишит берестяными грамотами и весь Новгород переписывается по-русски. Для меня, как для человека, который защищал диплом по специальности «лингвистика», понятно, что для того, чтобы достичь такого уровня, нужно как минимум 500 лет владения письменной грамотой. Минимально владение письменной грамотой предков русских – IV век. Это очень интересная тема, в которой могли бы помочь и археологи. Это связано с заселением Русской равнины и Великим переселением народов. Тиверцы, предки русских, появились в Закарпатье в IV–V веках. Тут надо разобраться в моментах русской истории. Эти исследования нас еще ждут, и они очень любопытны.

Что касается Запада, то в XVI веке, благодаря географическим открытиям XV века, колонизации и ограблению колоний, Западная Европа, аватаром которой являются США, пошла вверх как на дрожжах. Это была восходящая Европа, и в XVI веке было два русских государства, которые стремились объединить русские княжества. Это Москва и Великое княжество Литовское и Русское. Отсюда – природа русско-

го западничества. Великое княжество Литовское и Русское было на границе с восходящей Европой, презрительно смотрело на таящуюся в лесах Москву, считало ее Ордой. Обратите внимание, как актуализировались эти настроения с украинскими событиями недавнего времени. Возникла практически та же риторика и был использован тот же инструментарий. Поэтому природа русского западничества двояка. С одной стороны, это чистое эпигонство. Человек может быть франкофилом, англоманом, германофилом, но это поверхностно и неинтересно. А вот то, что такого рода литовская фронда всегда имела место в русской элите, это, с моей точки зрения, факт исторический. Петр был хорошо знаком с последствиями смуты, и он победил русский Запад в лице остаточных земель Западной Украины, Малороссии и Белоруссии, и той фронды, которая всегда была и в столице, в Москве, и в Петербурге. Он победил тем, что пошел на дальний Запад. Это был период, когда такая возможность у Москвы появилась, поэтому он взял и включил в процесс восхождения русской цивилизации интеллект и технологии западного Запада, заставив умолкнуть доморощенную западную фронду. Тем не менее в матрице русской цивилизации этот конфликт всегда сохраняется и проявлен сейчас на пространстве Украины.

Теперь о Востоке. У нас много говорят о развороте на Восток, но надо понимать, что эти понятия: Восток, Запад, Россия – не обладают онтологической стабильностью, и у меня, как у практика, складывается впечатление, что нередко тот самый Восток воспринимают как нечто стационарно-застывшее, чересчур лубочно. Надо понимать, что у каждой части этого Востока – свои отношения с Западом, с соседями, что на том же Востоке существуют технологические, абсолютно современные государства, к которым относится и Иран, представляющий собой цивилизацию. Еще несколько слов мне хотелось сказать о том, что в отношении Востока в Западной Европе и в США (которые приняли эстафету у Европы и тоже клонятся к закату) с XVIII века появился такой предмет, как ориенталистика. Ориентализм – агрессивная идеология. О ней написал монографию Эдвард Саид под названием «Ориентализм», о том, что это идеология Запада по отношению к Востоку, которая всегда рассматривала Восток как добычу для Запада. И тут возникают интересные коннотации. В западных университетах на каких отделениях изучается польский язык? На восточноевропейских. А русский? На тех же отделениях, где арабский, китайский, персидский и т. д. Посмотрите, как интересно: в этой своей идеологии ориентализма Запад насильственно пытался внести в этот список будущей добычи, что мы сегодня видим. Необходимость расчленив Россию, идеи о том, что мир будет строиться

за счет России, что заявлял бывший секретарь США. Можно сослаться и на Бжезинского. Это очень заметно. Поэтому очень любопытно, как русофобия становится факультативной частью ориентализма. Эта нынешняя русофобия с ее культурой отмены, а на деле подмены – становится действительно факультативной частью идеологии ориентализма.

И последнее: само по себе разделение «Восток – Запад» очень британско-имперское. Оно настолько условное, что многие помнят слова Киплинга о том, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись. Это очень надуманная и навязанная, но красиво, талантливо и поэтически высказанная максима, которая реальности не соответствует, потому что если ей руководствоваться, то можно наломать немало дров и совершить немало ошибок. Но в этом смысле русской цивилизации такие грехи несвойственны. Приведу литературный пример из «Путешествия в Арзрум» Александра Пушкина. На пути в Арзрум, как раз после убийства Грибоедова, ему сообщают, что большое посольство едет из Тегерана в Санкт-Петербург, и в кортеже иранского принца есть придворный поэт, Фазил Хан. На вопрос, не хочет ли он с ним познакомиться, Пушкин отвечает примерно следующее: я сочинил для него цветистое приветствие. Создается впечатление о том, что Персия и Восток – такие цветистые, с арабесками... И дальше Пушкин пишет: «Как же неловко стало мне, когда Фазил Хан ответил мне с простой учтивостью воспитанного человека. Он сожалел, что знакомство наше будет недолгим, надеялся на будущую встречу и пожелал мне счастливого пути». И дальше Пушкин пишет о самом себе. И это самокритичность русского человека, и какой-то иной замес, который лежит в матрице русской цивилизации, когда Пушкин пишет: «И поделом моей русской насмешливости. Впредь не буду судить о человеке по бараньей папаше и крашеным ногтям». Я бы хотела сказать, что все-таки в русской цивилизации не уживается британское высокомерие наподобие британского бремени белого человека. Оно отсутствует для русского человека, который, конечно, может воспринимать как иного человека с иным разрезом глаз, с цветом кожи, волос и т. д., но, как только он сталкивается с адекватностью этого человека, с порядочностью, простотой, он мгновенно об этом забывает и стыдится самого себя. Изначально он может его воспринимать как варвара, но сам себя начинает за это стыдить. Этот факт часто отмечали люди на арабском Востоке, когда в Сирии и в Египте появились советские специалисты-инженеры. Местные все время были готовы вести себя с русскими, как с англичанами, и они удивлялись, что русские никогда не ставили себя в такую позицию. Вот, пожалуй, в общих чертах – то, о чем мне хотелось рассказать.